

Рынок финансово-банковских услуг

Александр ШАРОВ

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ**

Резюме

Рассмотрен процесс дальнейшего развития международной валютной системы в условиях современной глобализации. Автор утверждает, что глобализация имеет объективный характер, а значит, международная валютная система продолжает свое логическое развитие от единого денежного товара-эквивалента (золота) через многочисленные резервные (международные) валюты в направлении возврата на высшем уровне к данным мировым деньгам. Промежуточным этапом на этом пути может быть создание целевых валютных зон с валютами-лидерами, примером которых является европейская коллективная валюта – евро. В этом контексте особое значение приобретает вопрос о дальнейшем развитии валютной системы отдельных стран (в том числе Украины).

Ключевые слова

Глобализация, валютная система, демонетизация золота, целевые валютные зоны, Международный валютный фонд.

Классификация по JEL: F33; G15.

© Александр Шаров, 2008.

Шаров Александр, докт. экон. наук, профессор, Тернопольский национальный экономический университет, Украина.

(Продолжение, начало в предыдущем номере)

Новая валютная система: воспоминания о прошлом?

Вспомним еще раз этапы генезиса современных денег, представив их в виде спиралей:

- от многочисленности вариантов товарообмена – через выделение немногочисленных товаров-эквивалентов – до возникновения **единого** монопольного товара-эквивалента (металлических денег);
- от многочисленности металлов денег (медь, электр, серебро, золото) – через биметаллический стандарт – к **единому** золотомонетному стандарту;
- от конвертируемости в золото многих валют – через золотослитковый и золотодевизный стандарт – к **единой** валюте, которая обменивалась на золото (доллар США)...

Анализируя процесс развития денег с позиций его современного этапа, можно увидеть, что он происходит в определенной логической последовательности: словно по спирали, таким образом, что конечная фаза одного этапа (витка) выступает в качестве отправной точки для следующего. Какой должна быть логика дальнейшего развития? Утратив особую связь с золотом, доллар постепенно, не без борьбы, занимает почетное место среди других валют, как «первый среди равных». Идея мультивалютной экономики шаг за шагом побеждает, выдвигает в качестве конкурентов и альтернативы доллару немецкую марку, швейцарский франк, японскую иену, евро... Сейчас валютные расчеты между центральными и транснациональными банками (*Continuous Linked Settlements*) осуществляются через CLS International Bank – банковское учреждение, созданное по законодательству США о так называемой Edge Corporations (то есть с правом обслуживания международных операций только нерезидентов), надзор за которым осуществляется Федеральным Резервным банком Нью-Йорка. Эти расчеты осуществляются в 15 валютах, определяющих мультивалютность современной системы¹. Количество их постепенно изменяется (последние

¹ Расчеты осуществляются в австралийских, американских, гонконгских, канадских, новозеландских и сингапурских долларах, евро, британских фунтах, японских иенах, швейцарских франках, датских, норвежских и шведских кронах, южнокорейских вонах и южноафриканских рандах.

четыре были добавлены в конце 2004 г.), но вряд ли эта динамика будет сохраняться и в дальнейшем, поскольку уже достаточно ощутимо действие другой тенденции. На поверхности явлений она проявляется в виде территориальной фрагментации мирового валютного пространства. Самым ярким примером этого служит зона функционирования евро, создание которой значительно сократило численность «расчетных валют». И, наверное, еще сократит за счет как «старых» западноевропейских валют (таких, как шведские и датские кроны, британский фунт, а может, и пока еще не «новых» ЕС-овских валют, которые в будущем могли бы претендовать на статус расчетных, но, скорее всего, будут заменены на евро (например, польский злотый). С мая 2004 г. к ЕС присоединились не только Мальта и Кипр, которые давно ждали своей очереди, но и наши бывшие партнеры по Советскому Союзу – балтийские республики (Эстония, Литва и Латвия), а также соседи и коллеги по социалистическому лагерю – Польша, Чехия, Словакия, Венгрия и Словения. А в 2007 г. следует ожидать пополнения состава ЕС еще и Румынией, и Болгарией. Не следует забывать и о европейских устремлениях другого нашего соседа – Турции. Активно «стучится в дверь» в последнее время и Хорватия. Надеемся, что и «евроустремления» Украины не останутся лишь пожеланиями украинских властей.

Между прочим, следует отметить, что такое значительное расширение Союза не может не создать определенных проблем, которые станут помехой его дальнейшему расширению. Прежде всего, в результате того, что ключевая характеристика расширения Еврозоны заключается в относительно большом увеличении *количества* стран-членов по сравнению с умеренным ростом *экономического размера*. Обратим внимание хотя бы на тот факт, что к 375 млн населения современного ЕС добавились 106 млн – из новых стран-членов (то есть рост составляет 28%), но что касается совокупного внутреннего валового продукта стран Союза, то к 8,9 трлн евро ВВП добавилось лишь 467 млрд евро (то есть только приблизительно 5%). Проблема в том, что страны, которые присоединились к ЕС, не только *малы*, но и, по европейским стандартам, *бедны*: средний размер их ВВП на душу населения, даже перечисленный по паритету покупательной способности (9 690 дол.), составлял меньше половины аналогичного показателя по странам, входившим до этого момента в Евросоюз (21 242 дол.) [17: 6, 8]. (Хотя в свое время Испания, Греция и Португалия присоединялись к Евросоюзу с показателями ВВП, приближенными или аналогичными показателям, характерным для наилучших с этой точки зрения стран – последней волны новоприбывших – Словении и Чехии) [14: 4]. Обращает на себя внимание то, что в «объединенной Европе» и до этого существовали значительные различия. И не только по отношению к ВВП. Так, среди руководителей центральных банков стран Еврозоны большое беспокойство вызывает заметное различие в темпах инфляции. Эта проблема, без сомнения, также только обострится в будущем и добавит головной боли центральным банкирам, поскольку в период 1996–2002 гг. различия в

средних уровнях инфляции в странах Еврозоны и в новоприбывших странах (даже без учета наиболее инфляционных экономик Болгарии и Румынии) составляло около 8 процентных пунктов [16: 14].

Для новых членов ЕС, как считают авторы отчета «Восточное направление расширения Еврозоны» Р. Орси и Ф. Иаконе, серьезной проблемой станет и влияние эффекта Баласа-Самуэльсона², которое способно увеличить на 1–2, а, в некоторых странах, и на 4% ежегодные темпы инфляции [11: 31, 43]. В общем, присоединение к ЕС новых членов прибавило центральным банкам много сложной работы, прежде всего, в таких вопросах, как свободное движение капиталов, свободный обмен финансовыми услугами, валютная интеграция и финансовая статистика. Проблемы, связанные с решением указанных вопросов, достаточно сложны. Условно их можно разделить на две части:

- проблемы, возникающие у центрального банка непосредственно в связи с присоединением страны к ЕС (это, в большинстве случаев, процедурные требования);
- проблемы, касающиеся повышения уровня национальной финансово-банковской системы, ее «подтягивания» к западноевропейскому уровню.

Этих последних значительно больше. И от потенциальных кандидатов будут, скорее всего, требовать предварительного их решения. Что касается конкретных критериев ответственности (Маастрихтские критерии), то, хотя в будущем эти показатели могут и несколько измениться, ученые-экономисты (прежде всего, лауреат Нобелевской премии Роберт Мандел), разработавшие теорию «оптимальных валютных зон» указали на некоторые фундаментальные, принципиальные критерии для такого объединения. Среди них обращает на себя внимание необходимость высокой экономической открытости, тесных торговых связей со странами-партнерами и корреляции экономических циклов, которые развиваются в отдельных странах с циклом, присущим основному экономическому потенциалу интеграции [25: 9–10]. При этом к новым членам будут применены те же, уже

² В соответствии с теорией Баласа-Самуэльсона (нашедшей свое подтверждение на практике), тесная торговая интеграция ведет, прежде всего, к росту производительности труда в экспортных отраслях (спрос на продукцию которых увеличивается высшими темпами). Следствием этого, в свою очередь, становятся более высокие темпы роста заработной платы именно в этих отраслях. Однако такие факторы, как переток рабочей силы и профсоюзная солидарность (там, где она есть!), ведут, в итоге, к выравниванию темпов роста зарплаты во всех отраслях – в том числе в не-экспортных, где производительность возрастает медленнее. Следовательно, результатом такой диспропорции становится опережающий рост цен именно в не-экспортных отраслях. И эта тенденция дополнительно усиливается спросом на не-экспортные услуги в связи с относительным ростом платежеспособности населения. Результатом всей этой логической цепочки становится постоянное повышение реального валютного курса.

существующие, критерии конвергенции, степень выполнения которых будет оцениваться в соответствии со статьей 121 Протокола относительно конвергационных критериев. Среди прочего предусматривается, что страна должна не менее двух лет быть участником нового Механизма валютных курсов – так называемого МВК-2 (*Exchange Rate Mechanism – ERM-2*) – и при этом обеспечивать соответствие состояния своего валютного рынка установленным условиям без использования мер валютного контроля (как капитальных, так и текущих операций).

Условия нового МВК-2 определяются в Амстердамской резолюции Совета Европы (июнь 1997 г.) и Соглашения между ЕЦБ и центральными банками государств, которые не входят в зону евро (сентябрь 1998 г.). Предусмотрено, что центральные курсы между евро и национальными валютами устанавливаются и корректируются ЕЦБ совместно с центральными банками соответствующих стран. Временные колебания курса разрешаются в пределах 15%, по достижении которых национальные центральные банки обязаны осуществлять неограниченные интервенции на валютном рынке с целью удержания курса в установленных пределах. Таким образом, новый механизм совместим с достаточно широким спектром валютных режимов, не признавая только три из них:

- 1) не имеющий согласованного центрального курса по отношению к евро;
- 2) ползучую привязку (*crawling peg*);
- 3) привязку к любой валюте, кроме евро.

Следует обратить внимание на то, что «евроцентристские» тенденции проявляются не только в Европе³. Положительный (на данный момент)

³ Хотя и в Европе (по меньшей мере, частично в Европе) может возникнуть другое «совместное валютное пространство», идею которого выдвигает Россия. Имея в виду гипотетическую возможность создания такого валютного союза, мы, все-таки, не будем здесь подробно останавливаться на его анализе, прежде всего, потому, что на самом деле для такого анализа не хватает материалов, несмотря на численные публикации, главным образом, российских авторов. А впрочем, кроме идеи противопоставить еврозоне зону новой коллективной валюты, в качестве которой (по нашему мнению, безосновательно) допускается лишь российский рубль, на самом деле, ничего серьезного предложено не было. Об этом свидетельствует хотя бы неопределенность формата такой зоны, в качестве которой, предлагались то СНГ, то Союз России и Беларуси, то ЕврАзЭС, то ЕЭП... Автор, которому приходилось принимать участие в таких интеграционных переговорах, так и не смог, в свое время, получить ответы на такие простые вопросы, как «В чем конкретно будет заключаться преимущество единой валюты по сравнению с системой взаимной конвертируемости, которую можно ввести в практику немедленно?» и «Почему в качестве единой валюты должен быть рубль, при наличии среди стран-потенциальных участников системы таких, чьи валюты продемонстрировали большую стабильность в течение нескольких последних лет?» А всякое желание продолжать профессиональное обсуждение у авторов идеи исчезало сразу после вопроса «В какой

опыт создания совместной валюты в границах ЕС предоставил новый толчок валютным интеграциям во всем мире: и старым (существовавшим, как бы на периферии мировой валютной системы, не предоставляя большого влияния на остальной мир) и новым (идеи создания которых стали прямым следствием введения евро).

Самая старая из существующих валютных интеграций была создана еще в 1910 г. на Юге Африки. Конечно, с того времени она немного изменилась: в 1921 г., после создания Резервного Банка Южной Африки, южноафриканский фунт стал единственным законным средством платежа на территории стран, входящих сейчас в ЕВП, а также Бечуаналенда (ныне – Ботсвана). Существенная помощь в создании валютного союза была предоставлена Великобританией, которая имела в этом большой опыт, в том числе и на территории Африки [24: 34]. Валютное пространство ранда (Rand Monetary Area), как он тогда назывался, просуществовало до июля 1986 г., после чего, в связи со сменами в позиции Свазиленда, было подписано новое Трехстороннее соглашение о валютном пространстве (*Trilateral Monetary Area Agreement*), которое, в свою очередь, было заменено современным Соглашением в феврале 1992 г., после того как к ЕВП решила официально присоединиться Намибия (которая *de facto* входила в него с самого начала). Современные валютные отношения между ЮАР, Лесото, Намибией и Свазилендом базируются на Многостороннем Валютном Соглашении (*Multilateral Monetary Agreement – MMA*), на основании которого и создано Совместное Валютное Пространство – ЕВП (*Common monetary area*). При этом было установлено, что, несмотря на наличие общей валюты⁴, каждая из стран ЕВП самостоятельно отвечает за собственную монетарную политику и осуществление контроля за финансово-кредитными учреждениями на своей территории.

Что касается других стран, входящих в Южноафриканское Экономическое Содружество (САДК), то ни в Декларации, ни в Соглашении 1992 г. о создании САДК не упоминалось о возможности введения единой валюты, но сейчас можно сделать вывод, что именно создание монетарного союза может стать очередной стадией развития Содружества.

стране будет размещен общий центральный банк и представитель какой страны будет его возглавлять?» (Конечно, предполагался простой ответ: «Центральный банк, – он же ЦБ РФ, – будет и впредь находится в Москве и возглавляться гражданином России». Безрезультатно заканчивались и практические шаги в этом направлении: созданный еще в 1993 г. Межгосударственный банк СНГ так и остался небольшим (даже по российским масштабам) коммерческим банком, который кредитует отдельные проекты в странах СНГ, практически не работает заключенное в 1994 г. Соглашение о платежном союзе (поскольку все страны СНГ провозгласили конвертируемость своих валют и не требуют механизма, который и в Западной Европе 50-х годов, и в РЭВ использовался в условиях отсутствия конвертируемости).

⁴ Имеется в виду южноафриканский ранд, который свободно обращается на территории всех стран-членов интеграции, а местные валюты свободно обмениваются на ранд по фиксированному паритету.

В феврале 1999 г. главный экономист САДК Ф. Кени заявил, что «глобализация подталкивает САДК в направлении гармонизации макроэкономической политики, фискальной политики и создания единого Южно-африканского центрального банка». Заметный толчок развитию этой идеи дал председатель Резервного банка ЮАР Т. Мбовени, хотя он и признает, что профессиональное решение всех проблем, связанных с созданием монетарного союза и введением единой валюты, требует много времени и кропотливого труда. Однако на всемирном экономическом саммите для Юга Африки (*World Economic Forum's southern African summit*), который происходил в Дурбане в 2003 г., во многих выступлениях отмечалась необходимость создания общего фондового рынка и введение единой валюты для стран САДК.

В августе 2003 г. в Дар-эс-Салами (Танзания) состоялся очередной саммит председателей государств и правительств Содружества развития Юга Африки (*Southern Africa Development Community – SADC*). Саммит, который проходил в Танзании впервые с момента учреждения Организации в 1992 г., собрал более 700 делегатов, представлявших не только официальные учреждения, но и международные организации, экономических экспертов, финансовые учреждения, средства массовой информации и т. д. Саммит одобрил План региональной индикативной стратегии (*Regional Indicative Strategic Development Plan – RISDP*), который разрабатывался в течение двух лет и предусматривает значительное углубление экономической интеграции стран-членов Содружества. План предусматривает поэтапное осуществление мер в этой сфере, а именно:

- 2005 год: создание регионального фонда развития САДК и механизма самофинансирования Содружества;
- 2006 год: устранение валютного контроля в отношении транзакций между странами-членами САДК;
- 2008 год: создание зоны свободной торговли САДК;
- 2010 год: создание Таможенного союза САДК и введение единых внешних тарифов;
- 2016 год: создание Центрального банка САДК и подготовка к введению единой валюты САДК.

Параллельно саммиту САДК в Кампале (Уганда) проходило заседание Ассоциации африканских центральных банков; после завершения которого руководители центральных банков стран-членов САДК собрались на отдельную встречу и договорились о единой стратегии действий в монетарно-финансовой сфере, направленных на обеспечение более глубокой экономической интеграции их стран.

Обращает на себе внимание тот факт, что приблизительно в то же время Экономическое содружество Западноафриканских государств

(*Economic Community of West African States*) также приняло план, который предусматривает введение единой валюты в июле 2005 г. Такая, вряд ли реалистичная, спешка объясняется определенной обеспокоенностью относительно возможности дальнейшего эффективного выполнения Францией своих монетарных обязательств, действовавших в границах Западноафриканского валютного союза и Валютного союза Центральной Африки. Как мы уже вспоминали, с переходом на евро Франция осталась гарантом стабильности «африканского франка» (франк КФА), хотя монетарная власть над ее собственной валютой «переехала» в ЕЦБ, который вовсе не спешит принимать на себя регулирование «единого валютного пространства» африканских стран. Таким образом, «инерция» предыдущего валютного союза может быстро погаснуть, и поэтому правительства соответствующих африканских стран вполне логично пытаются найти новый механизм такого регулирования.

Цель введения единой валюты («афро») провозглашалась при создании Африканского Союза, и поэтому более подробное обсуждение проблемы профессионалами можно рассматривать как попытку реализации политической программы. При этом указывалось на то, что аналогичный процесс в Западной Европе (ЕС) занял сорок лет. (Хотя, по мнению многих экспертов, в Африке он может занять и меньше времени при условии решения таких проблем, как вооруженные конфликты, нехватка политической ответственности и несоблюдение требований собственного законодательства в некоторых странах континента.)

На этом фоне попытки создания монетарных союзов в границах САДК и ЕКОВАС можно рассматривать как региональные усилия по разрешению общей континентальной проблемы.

Активно проводится работа в направлении создания общей валюты и в Азии, что дало основание говорить о планах введения общего «азиатского доллара». Для некоторых наблюдателей идея «Азиатского валютного союза» может казаться только данью быстротекущей моде. Однако Нобелевский лауреат Р. Мандел (которого многие считают «отцом» общей европейской валюты) высказался в пользу этой идеи. Малазийский премьер А. Бадави летом 2004 г. заявил, что, поскольку азиатская экономическая интеграция – это уже не просто пожелание, а реальность, то не существует никаких преград для того, чтобы начать тщательное изучение проблемы региональной валютной интеграции [20]. Тем более, что определенные шаги в этом направлении все-таки сделаны. Так, еще в январе 1992 г., члены АСЕАН согласились на создание в границах интеграции зоны свободной торговли. Конечной целью создания такой зоны должно стать снижение таможенных тарифов до уровня не более 5% и полная отмена нетарифных барьеров. Достижение этой цели, несомненно, будет способствовать и дальнейшей интеграции в валютной сфере. В ноябре 1997 г. с целью предотвращения финансовых кризисов и координации действий в финансовой сфере была создана так называемая «Манильская группа» в составе

14 стран Южно-Восточной Азии. Позже было заключено соглашение о своп-кредитовании для поддержания стабильности валютных курсов (по образцу аналогичного евро соглашения 1980–1990 гг.) между Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами. В мае 2000 г. действие этого соглашения, в рамках так называемой «Чианг-майской инициативы» (*Chiang Mai Initiative*) было распространено не только на все страны АСЕАН, но и на Китай, Южную Корею и Японию, активировавшие стабилизационное кредитование на десятки миллиардов долларов США. Довольно часто это соглашение рассматривают как основание будущего азиатского валютного союза, хотя, насколько такой взгляд реалистичен, сейчас говорить еще рано [7: 96].

В декабре 1998 г., в Ханойском плане действий страны АСЕАН предусмотрели осуществление анализа действующей валютной системы в странах-членах объединения. В дальнейшем было проведено несколько международных конференций (в организации и поддержке которых особую активность проявила малайзийская сторона) по вопросу создания общей азиатской валюты. Конечно, пока что трудно говорить о формате возможного валютного союза. Предварительно считалось, что основой его должна быть японская иена. Изменение расписания сил на азиатском сегменте мирового рынка, однако, выдвинуло на первое место китайский юань. Учитывая возможность «объединения усилий» КНР (или более политически корректно: *Mainland China*) в этой отрасли не только с Гонконгом, но и с Тайванем, некоторые эксперты говорят о том, что основой регионального валютного союза может стать «Общекитайское экономическое пространство» («*Chinese Economic Area*»). Возможно, между тем, что в качестве такой основы выступит АСЕАН+3 (то есть совместно с Китаем, Японией и Южной Кореей) или, даже, АСЕАН+4 (еще, дополнительно, с Индией), что заметно изменит ситуацию. Таким образом, в отличие от плана создания «афро» (также достаточно «сырого» и скептически оцениваемого многими экспертами), план «азиатского доллара» до сих пор не формализован. Однако, с точки зрения анализа перспектив развития мировой валютной системы, важно уже само наличие такой тенденции.

К европейскому опыту внимательно присматриваются и в Латинской Америке, где в 1960–1980 гг. был создан Центральноамериканский валютный союз, Механизм компенсации сальдо и взаимного кредитования Латиноамериканской ассоциации интеграции, Карибский стабилизационный фонд. Конечно, соглашение о создании Центральноамериканского валютного союза 1964 г. и Центральноамериканское валютное соглашение 1974 г. так и не привели к созданию полноценной общей валюты: центральноамериканское песо использовалось только для зачета взаимных требований. В 1983 г. были осуществлены шаги по укреплению валютной интеграции среди малых островных государств Карибского бассейна, результатом чего стало создание Восточно-Карибского центрального банка и введение общей валюты – восточно-карибского доллара. Последний, однако, не стал полностью самостоятельной валютой, оставаясь крепко привя-

занным к доллару. В этой части мира мы находим и примеры фактического отказа от собственной валюты в пользу доллара США, даже без формального оформления валютного союза и любых обязательств со стороны Федерального резерва Соединенных Штатов. В последние годы к Панаме, давно проводившей такую политику, присоединился Эквадор и Сальвадор. Как известно, незадолго до кризиса 2002 г. аналогичные намерения провозглашала и Аргентина.

«Таким образом, – как считают некоторые эксперты, – западноевропейский вариант валютного пространства является валютным союзом на базе экономического объединения с единой валютой внутреннего – европейского происхождения. В Латинской Америке единое валютное пространство основано на внешней валюте, использовавшейся поначалу для внешних расчетов, а потом вытеснившей национальные деньги из внутреннего обращения. В Африке расчетная единица привязана к иностранной валюте, используемой для внешних расчетов, но не проникает во внутреннее, эмиссию коллективных денег осуществляет прежняя метрополия. Проекты африканского и азиатского валютных союзов комбинируют в различных сочетаниях элементы европейской и действующей африканской моделей» [4: 12]. Таким образом, мы можем наблюдать процессы региональных валютных интеграций, которые ведут к уменьшению (если не всегда *de jure*, то, во всяком случае, *de facto*) количества национальных валют, постепенному разделу мирового валютного пространства на региональные валютные блоки⁵, из которых, как из пазлов, будет состоять новая валютная система с единой мировой валютой – которая может придти на смену нескольким региональным.

Как будет в дальнейшем развиваться этот процесс, предусмотреть сегодня вряд ли возможно. Совсем не обязательно, чтобы на предпоследнем этапе создания единой мировой валюты образовались валюты «континентальные» – евро, афро, латино... Это могут быть и просто региональные резервные валюты, на место которых претендуют евро и, пока что, швейцарский франк – в Европе; все меньше японская иена, а все больше китайский юань (а в дальнейшем, возможно, при определенных обстоятельствах, и индийская рупия) – в Азии; мексиканское и аргентинское песо (очень ослабленные соответствующими финансовыми кризисами), а также бразильский реал – в Латинской Америке. В Африке – южноафриканский ранд. Определенные претензии на включение в поливалютную корзину имеет и российский рубль.

Однако, наверное, большинство специалистов склоняется к теории «целевых валютных зон» – группирования отдельных валют в нескольких зонах вокруг валют-лидеров (чаще всего говорят о долларе, евро и иене,

⁵ Нельзя не увидеть здесь определенной аналогии с довоенными валютными блоками – фунта, франка и т. д., которые органично вписались в систему единой конвертируемой в золото валюты – доллара США.

хотя в последнем случае «возможны замены»), между которыми удерживаются если не фиксированные курсы, то ограниченные колебания. Первая проблема, возникающая при обсуждении этой идеи, – это размер допустимых отклонений между валютами-лидерами. Наиболее амбициозным было бы принятие твердых «целевых зон» («target zones»), как это предлагает Ф. Бергстен (*директор вашингтонского Института международной экономики и председатель так называемой «теневой «Большой Семерки» – «мозгового траста, который консультирует лидеров «Большой Семерки»*). При таком подходе необходимо было бы определить «коридор», в пределах которого могут колебаться центральные курсы евро, доллара и иены. Центральные курсы будут определены таким образом, чтобы обеспечивать внутреннюю и внешнюю сбалансированность экономик, они могут временем корректироваться в зависимости от соотношения темпов инфляции и других фундаментальных экономических показателей, а «коридор», в пределах которого допустимо свободное колебание, должен быть достаточно широким (10–15%). Проблема с этим вариантом заключается в том, что внутри «Большой Семерки» нельзя достичь консенсуса относительно этого, поскольку, как предупреждают эксперты, приближение к границам «коридора» будет автоматически вызывать спекулятивные атаки, что только ухудшит ситуацию.

Более мягким является вариант, предусматривающий лишь согласование принципов обязательных действий в случае, если колебания курсов выходят за установленные границы. Однако официально ни границы колебаний, ни центральные курсы не объявляются. То есть предлагается что-то подобное Луврскому Соглашению 1987 г. Это более гибкая система, не связывающая руки монетарным властям отдельных стран, которые должны только договориться о том, что они будут осуществлять необходимые шаги по возвращению курсов в границе «коридора», не ожидая очередного заседания «Большой Семерки» или МВФ.

Вообще-то, проблема дальнейшего реформирования современной валютной системы может серьезно рассматриваться лишь комплексно. Так, как, например, предложил в своем выступлении в мае 1999 г. в Вашингтонском институте международной экономики прежний премьер-министр Франции Э. Баладур. По его мнению, меры, необходимые для улучшения организации мировой валютной системы, включают следующие шаги:

- «Большая Семерка» должна реформировать собственные операционные процедуры, четко определить функции МВФ и не допускать конфликта интересов правительств и центральных банков;
- МВФ должен стать гарантом качества валют стран-членов, для чего необходимо обеспечить контроль за выполнением ими определенных правил и пруденциальных норм;
- установление «целевых зон» будет наилучшим путем стабилизации колебаний валютных курсов;

- для обеспечения положительных следствий для всего мира необходимо уже думать о создании глобальной мировой валюты. Создание более объективной «корзины валют», чем СДР – первый шаг в этом направлении.

В дискуссии о будущем мировой валютной системы звучат и мысли о том, что ее реструктуризация включает укрепление позиций ООН,⁶ в том числе, путем создания Экономического Совета безопасности и изменения функций МВФ в направлении его превращения в Мировой Центральный банк. Насколько проблема реформирования мировой валютной системы связана с другими глобальными проблемами, можно увидеть хотя бы из того, что она последовательно обращала внимание таких всемирных форумов, как Саммит Земли (Рио-де-Жанейро, 1992), Каирская конференция по вопросам населения (1994), Социальный Саммит (Копенгаген, 1995), Международная конференция по вопросам финансирования развития (Монтерей, 2002) и Саммит постоянного развития (Йоганнесбург, 2002). Главным образом, на этих форумах речь шла о финансовых потребностях и механизмах финансирования глобального развития. В связи с этим следует вспомнить идею «глобального налога». Наиболее известным вариантом такого налога является так называемый «налог Тобина» – который предлагается оплачивать в размере 0,5% из каждой валютной операции (что может дать ООН, которая будет бенефициаром налога, более 1,5 трлн доллара США). Учитывая абсолютно фантастический размер такого фонда, более реалистичные чиновники ООН согласны на 0,01% – что будет равняться приблизительно 150 млрд дол. (в 100 раз больше, чем взносы всех стран-членов в бюджет ООН). Налог, предложенный профессором Йельского университета Дж. Тобином и впервые представленный Комиссией по финансированию ООН на международной конференции развития в январе 1992 г., предлагался как средство сокращения границ колебаний валютных курсов, что сразу было предоставлено критике – поскольку небольшой размер налога не может существенно повлиять на колебания, а больший размер – совсем не реалистичный. Между прочим, идея была поддержана Канадой, Францией и Данией, которые решили представить ее на следующей встрече «Большой Семерки» в июне 1992 г.⁷

⁶ Об этом приходилось говорить и автору, выступая в качестве представителя Украины на специализированном заседании «круглого стола» Монтерейской международной конференции ООН (2002). Логичность такой связи, по нашему мнению, вытекает как по необходимости концентрации ресурсов мирового содружества на решении глобальных социально-экономических проблем, так и из того факта, что «Бреттон-Вудские институты» формально были созданы как учреждения ООН (хотя и с особым статусом) и поэтому было бы логично их «возвращение» в «семью ООН», после того как в течение многих лет (по разным причинам) они функционировали, мягко говоря, в автономном режиме.

⁷ Фактически в программу дискуссии встречи «Большой Семерки» этот вопрос попал лишь в 1995 г. (Канада, Галифакс), однако и до этого времени остается в центре достаточно широкой, хотя, по мнению автора, и неперспективной дискуссии.

Не остаются без внимания специалистов и проблемы реформирования самого Международного Валютного Фонда. МВФ не является кредитором последней инстанции (*lender of last resort*) в смысле возможности предоставления неограниченной помощи в случае финансовых усложнений. МВФ имеет четко установленные условия и ограниченные ресурсы кредитования. Все это заметно отличает это учреждение от центральных банков с их дискреционной монетарной политикой и делает невозможным превращение МВФ в нечто подобное мировому центральному банку. Во всяком случае, без его кардинального реформирования, которое, между тем, кажется, уже становится требованием времени. В том числе и в связи с необходимостью решения проблемы мирового кредитора последней инстанции. Например, Ч. Киндлебергер, в свое время, указывал на то, что Великих Депрессий 1929–1933 г. можно было бы избежать, если бы тогда нашелся международный кредитор последней инстанции – которым могли бы стать Банк Англии или ФРС США [30]. Прежний первый заместитель исполнительного директора МВФ С. Фишер, выступая в январе 1999 г. в Американской экономической ассоциации в Нью-Йорке высказал мнение о том, что в современных условиях ФРС может взять на себя такую функцию, если это будет соответствовать интересам США. Однако дело в том, что в присутствии такого заемщика более заинтересованы другие страны, потому что международное движение капитала приобрело неимоверного размера, а непредвиденные изменения направления этого движения способны вызвать панику на финансовом рынке любой страны. Именно в таких условиях в качестве стабилизирующего фактора может выступить кредитор последней инстанции, гарантируя стабилизационное финансирование в необходимых объемах.

Скептики ссылаются на то, что МВФ не является центральным банком, а, скорее, подобен мировому кредитному обществу. Однако поклонники идеи выполнения Фондом функций кредитора последней инстанции, как правило, напоминают, что такие функции на внутреннем рынке выполняли и другие, даже частные институты. И вспоминают поведение банка J. P. Morgan в 1907 г. (хотя это была вынужденная «замена», поскольку все это происходило еще до создания ФРС). На самом деле, вопрос касается, скорее всего, отсутствия необходимых финансовых резервов⁸ и нежела-

---

Идея «налога Тобина» имеет много поклонников среди представителей учреждений, которые могли бы претендовать на использование дополнительных средств, но практически никого из тех, кто должен его оплачивать.

⁸ По оценкам экспертов, МВФ, несмотря на постоянное повышение квот, если бы сохранялось заложенное в 1944 г. соотношение между капиталом МВФ и размером национального дохода стран-членов Фонда, был бы сейчас в три раза больше; если бы МВФ придерживался формулы учета квот, которая была установлена при его создании, то сейчас Фонд был бы больше в **пять** раз; если бы сохранялось соотношение между капиталом МВФ и объемами мировой торговли – Фонд был бы больше в **девять** раз. А между тем, первичные функции МВФ не предусматривали его функционирования в качестве кредитора последней инстанции.

ния ведущих промышленно развитых стран обеспечить их аккумуляцию для гарантирования стабильности на рынках других стран (которые, к тому же, все чаще выступают в качестве новых конкурентов на мировом рынке). Однако, как нам кажется, углубление глобализации (в том числе увеличение иностранных инвестиций в страны с рынками, которые рождаются, а также высокий уровень «зарезницы» финансовых кризисов) непременно заставит правительства этих стран все-таки пойти на дополнительные финансовые затраты ради обеспечения стабильности мировой валютной системы. Другим выходом является предоставление МВФ права дискреционной эмиссии международных ликвидных средств – СДР. Однако сегодня возможности использования СДР достаточно ограничены именно потому, что они не являются самостоятельной валютой, а лишь правом на получение кредита в валюте одного из членов МВФ (при наличии ее излишка на счету МВФ сверх установленной квоты). Таким образом, мы опять возвращаемся к проблеме создания единой мировой валюты (путь к появлению которой, скорее всего, еще достаточно долгий и непредвиденный).

Между тем, реформирование Международного валютного фонда, как главного звена мировой валютной системы, происходит и в других направлениях. Иногда это кардинальные изменения (утверждены решением Совета управляющих в январе 1976 г. на Ямайке), иногда – текущие (создание новых органов руководства или программ финансирования). Нынешние предложения, касающиеся изменения роли МВФ в предотвращении международных финансовых кризисов, также не являются чем-то новым. О необходимости улучшения работы по координации валютной политики отдельных стран, повышения взноса МВФ в глобальную ликвидность, так же, как и об изменении отношений между МВФ, другими международными финансовыми организациями и большими частными банками, а также специальные меры по поддержке международной финансовой стабильности эксперты говорили еще в середине 1980-х годов [27: 145]. И это не оставалось без внимания советских специалистов, которые прямо указывали на то, что «зарождается такая система регулирования, при которой разработка главных мер в валютно-финансовой сфере является результатом совместных действий правительств, центральных банков, наибольших банковских монополий, а их внедрение в жизнь главным образом опирается на частный сектор. Важным звеном этого механизма становится МВФ, который превращается в своего рода координатора, катализатора изменений как в политике отдельных государств, так и в деятельности частного сектора» [3: 17]. Еще большее значение приобрел МВФ после перехода стран Восточной Европы и прежнего СССР к рыночной экономике. Именно эти события позволили фонду превратиться в настоящее глобальное учреждение, которым он пытается быть всегда [22: 284].

Одним из направлений дальнейшего реформирования может быть и предоставление Фонду функций координатора процесса банкротства государств-должников. Ведь «никто ныне не рассматривает вопрос о предоставлении внутренних кредитов без формальной процедуры банкротства.

По той же логике следует предоставлять и кредиты другим государствам. Пришло время это признать» [13: 12]. В ноябре 2001 г. первый заместитель председателя МВФ Э. Крюгер сделал заявление, что Фонд планирует упорядочить этот процесс. Аналогом в этом деле могла бы быть статья 11 американского закона о банкротстве, хотя официальный Вашингтон достаточно прохладно отреагировал на такую идею [12: 2]. Проблема эта, в принципе, достаточно острая: «Отсутствие механизма, предусматривающего действие большинства в разных группах кредиторов, является главным источником трудностей по обеспечению коллективных действий» [21: 7]. С этой проблемой кредиторы на практике столкнулись при реструктуризации долга некоторых латиноамериканских стран и России. Кстати, в свое время и Украина не оставила этот вопрос без внимания, следовательно, она могла бы сказать свое «веское» слово. Как, кстати, и вообще быть более активной при решении вопросов реформирования и развития мировой валютной системы, эффективность функционирования которой непосредственно влияет и на внутреннее экономическое положение, и на условия внешнеэкономического сотрудничества.

Выводы

Глобализация мировой валютной системы наблюдается с самого момента ее возникновения. По крайней мере, исследователи утверждают, что в 330 г. до Рождества Христова, после того как Александр Македонский получил победу над Персией, ему удалось сконцентрировать в своих руках практически все золото и серебро того времени (около 9 тысяч тонн). Таким образом, фактически мировой валютой (во всяком случае, на территории почти всей известной грекам ойкумены) стали македонские тетрадрахмы. Однако после смерти великого полководца сокровища опять разошлись по разным царствам, переполнили каналы денежного обращения и вызвали в странах Средиземноморья первую инфляцию.

Следующий раз сравнительная мировая инфляция была отмечена только в XVI веке, после того как в Европу попал поток драгоценных металлов из Нового Мира. По некоторым оценкам, в XVI–XVII вв. добыча золота достигла приблизительно 3,4 тыс. т., то есть около трети всего желтого металла, который был добыт за всю предыдущую историю человечества. В Испании, куда американское золото направилось в первую очередь и в огромных объемах, уровень цен за XVI в. повысился в три с половиной раза.

Таким образом, примеры денежно-валютных кризисов и механизмы их распространения по миру мы находим в истории задолго до возникнове-

ния термина «глобализация»⁹ и появления обвинений антиглобалистов в адрес отдельных супергосударств, транснациональных банков и международных финансовых организаций.

Если же посмотреть на глобализационные процессы в валютных отношениях последних лет и десятилетий с точки зрения Гегельянской диалектики, то можно сделать вывод о том, что на очередном витке спирали развития осуществляется **переход количества** (от *многих расчетных валют к единой*) в **качество**: происходит процесс создания «глобальных денег», отражающих принципиально новые социально-экономические отношения на мировом экономическом пространстве. Их появление может знаменовать собой результат **борьбы и единства противоположностей** – *единого мирового монопольного товара-эквивалента (золотых денег) и разнородные знаки кредитных и фидуциарных (бумажных) денег отдельных правительств и центральных банков*, – которые путем отрицания **отрицания** (*разные «национальные» деньги отрицают мировые и единые в своей материальной форме золотые деньги, а потом уже единая мировая валюта отрицает разные «национальные» валюты*) приходят к **единой мировой валюте, базирующейся на общности кредитных отношений в современном мире.**

Насколько этот этап генезиса единой мировой валюты будет долгим, сейчас сказать практически невозможно, поскольку происходит он с нестабильной скоростью и по разным (иногда противоположно направленным) векторам. Появление мировой валюты, как результат эмиссионной деятельности единого мирового центрального банка в классическом понимании (назовем это «административным вариантом»), требует наличия и единого мирового правительства – что по-прежнему выглядит нереалистичной утопией. Возможным остается и другой, «рыночный вариант»: когда в результате «кристаллизации», происходящей в смешении международных валютных отношений (национальные, региональные, межрегиональные, общеобразовательные), создаются супер-валюты (валюты ведущих экономических государств, как доллар США, или «интеграционные валюты», как евро), рыночная взаимозависимость которых может постепенно привести к их слиянию («амальгамации», если уж использовать химическую терминологию) в единую валюту. Если читатель простит некоторую, может, даже, лишнюю в данном случае образность, то можно сказать, что такой вариант вписывается в процесс перехода от экономики либеральной

---

⁹ Считается, что впервые, термин «глобализация» использовал в 1983 г. американский исследователь Т. Левит в статье в «Harvard Business Review», характеризуя процесс слияния отдельных продуктов, что их производят транснациональные корпорации. Однако в широкое употребление и с новым, более обобщенным значением термин вошел после 25-го Всемирного экономического форума в Давосе, на котором тема дискуссии была определена как «Глобализация главных процессов на планете».

(«*кошачей*»¹⁰) и экономики административной («*драконовской*»¹¹) к экономике рыночно-патерналистской («*драконовой*»¹²).

Исторические соревнования между этими типами организации экономического жизни еще не завершилось и сам факт ускорения глобализации (которая традиционно рассматривается как продукт именно либеральной экономики) свидетельствует о неоднозначности современного положения дел. Такую же неоднозначность мы можем увидеть и в области валютных отношений. Опыт последних десятилетий показал примеры того, как претерпели от международных финансовых кризисов рынки стран, использовавших «привязку» валютных курсов (Таиланд, Южная Корея, Индонезия, Россия). Показательным стал урок Аргентины, с ее фиксацией курса песо к доллару США. Однако не устояли против «волн» валютной нестабильности и страны с «плавающими» валютами – Мексика, Турция, Южная Африка.

Другой пример связан с принципом свободного движения капитала. Бреттон-Вудская система предусматривала возможность валютного контроля как по поступлению, так, и особенно, по утечке капитала. В ситуации, возникшей во время азиатского финансового кризиса, многие специалисты высказались за немедленное введение дополнительных мер в этом направлении. Однако на практике это осуществила, кажется, только Малайзия. Власти других стран не сделали этого, ссылаясь на низкую эффективность административных ограничений и возможность достаточно легко их обойти. Это – реальные шаги представителей «патерналистского» направления в развитии экономических отношений. Однако, если мы посмотрим в сторону лагеря либералов (символом которых выступает МВФ), то сможем увидеть, что, скажем, Х. Кохлер, который еще недавно занимал должность исполнительного директора Фонда, среди шести шагов, которые, по его

¹⁰ Как известно, такой тип экономики довольно часто называют экономикой «*laissez faire laissez passe*», то есть такой, в рамках которой государство не вмешивается в экономические процессы и позволяет бизнесу «идти туда, куда он хочет». Этот термин введен в научное обращение А. Смитом, который взял эти слова из старинной французской песни о солнышке, которое «идет туда, куда оно хочет». Поскольку у нас для описания такой ситуации используется другое выражение, – «Кошка, которая гуляет сама по себе», – то, по мнению автора, более понятным и логичным является именно термин «кошачья» экономика.

¹¹ Экономика этого типа базируется на жестких, иногда, жестких, юридических законах, – таких, как при законодателе Драконте в Древней Греции, – и предусматривает вмешательства государства в экономические процессы, даже, в направлении противоположном тому, который диктуется законами экономическими.

¹² Тип экономики, построенный (хотя и далеко не в идеальном виде) в некоторых странах Южно-Восточной Азии, – которые часто называются «новыми драконами», – в рамках которого государство вмешивается в экономику, поддерживая действия экономических законов в тех направлениях, которые считаются правительством наиболее важными и перспективными для развития национальной экономики и повышения ее конкурентоспособности на мировом рынке.

мнению, необходимо сделать для улучшения глобализации, говорил о потребности в международной регуляторной системе. Подчеркивая при этом, что многосторонние решения сработают лишь тогда, когда они не будут подменять национальную ответственность.

Следовательно, можно ожидать, что и развитие процесса глобализации валютных отношений, вслед за деньгами как экономической категорией, будет развиваться по законам диалектики, не просто отбрасывая старое, отжившее, но и вбирая в себя то положительное, что наработано предыдущими поколениями.

Литература

1. Борисов С. М. Золото в экономике современного капитализма. – М., 1984. – С. 44.
2. Гилберт М. В поисках единой валютной системы. – С. 85.
3. Горбунов С. В. Международный валютный фонд: противоречия капиталистического валютного регулирования. – С. 17.
4. Захаров А. В. О концепции единого валютного пространства СНГ – Юридический Дом «Юстицинформ», 2002. – С. 12.
5. Эбке В. Ф. Международное валютное право. – М., 1997. – С. 50.
6. Articles of Agreement. International Monetary Fund-Wash., D. C., 1993. – P. 2.
7. Bulletin on Asia-Pacific Perspectives 2002/2003, p. 96.
8. Cohen B.J. Organizing the World's Money, p. 94; James H. International Cooperation since Bretton Woods. – P. 87.
9. Currency Convertibility in Eastern Europe. Ed. By J. Williamson. – Wash., D. C., 1991. – P. 48.
10. Executive Intelligence Review, 3.10.97, Vol. 24, № 40, p. 13.
11. Ezoneplus Working Paper No.16, June,2003, pp. 31, 43.
12. Financial Times, April 6, 2002. – P. 2.
13. Financial Times, April, 24, 2002. – P. 12.
14. Financial Times, Dec.10, 2002, p. 4.
15. Foreign Affairs, March/April 1998.
16. H.Berger.Op.cit., p. 14.

17. H.Berger The ECB and Euro-Area Enlargement – IMF Working Paper, 2002, pp. 6, 8.
18. International Monetary Law. Ed. By M. Giovanoli. – Oxford, 2000. – P. 10.
19. James H. International Cooperation since Bretton Woods. – Wash., D. C., 1996. – P. 39.
20. Japan Times, Aug.10, 2004.
21. Krueger A. A New Approach To Sovereign Debt Restructuring. – Wash., D. C., 2002. – P. 7.
22. Monetary Stability through International Cooperation. – P. 284.
23. . Monetary Stability through International Cooperation. Ed. by A.Bakker et al. – Amsterdam,1994. – P. 268.
24. New African, April 2002, p. 34.
25. Optimum Currency Areas. New Analytical and Policy Developments. Ed. by M.I.Blejer, J.A.Frenkel and others. -IMF, 1997, pp. 9–10.
26. Polak J. The Changing Nature of IMF Conditionality. – Princeton, New Jersey, 1991. – P. 2.
27. Problems of International Money, 1972-85. – P. 145.
28. Problems of International Money, 1972–1985. Ed. M.Posner. – Wash., D. C., 1986. – P. 145.
29. Theberge A. The Latin American Debt of the 1980s and its Historical Precursors, 1999, p. 9.
30. *The World in Depression, 1929–1939*. Revised and enlarged edition. Berkeley: University of California Press.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2007 г.